

Анатолий КРАСНОСЛОБОДЦЕВ

ЖЕНЩИНЕ, НЕ СТАВШЕЮ СУДЬБОЙ

Отшумели ветры непогоды,
Отзвенела талая вода.
Отлетели молодые годы
И пропали где-то без следа.
В дымке лет любви почти не видно,
Блеск в пути утратили глаза.
И так стало за себя обидно,
Что тебе о главном не сказал...
У тебя теперь семья и дети, –
Никого на свете у меня,
За кого я мог бы быть в ответе, –
Разве, может, только за себя?
И когда мне горько так бывает,
И когда на сердце непокой, –
О тебе я с грустью вспоминаю,
Женщине, не ставшею судьбой.

МАЛЬЧИК ИЩЕТ ЧУДО

Сколько ни бываю в Божьем храме,
Видится картина мне одна:
Ходит мальчик с ясными глазами,
Вглядываясь в лица прихожан.

Прихожане к звоннице – он с ними.
Прихожане в храм – и он к дверям.
Следует ступенями крутыми,
Провожая их до алтаря.

Анатолий Григорьевич КРАСНОСЛОБОДЦЕВ родился 1941 г. в селе Сычевка Алтайского края. Образование высшее. Автор нескольких поэтических сборников. Публикуется в российских журналах, антологиях, коллективных сборниках. Имеет литературные награды: медали имени М.Ю. Лермонтова, имени Н. Рубцова, лауреат журнала «Огни над Бией». Награжден почетной грамотой СП России, дипломом православной литературной премии имени святителя Макария, митрополита Алтайского. Член СП России. Живет в Бийске.

В день, когда идет богослуженье,
На виду у всех, не торопясь,
Ходит он, прислушиваясь к пенью,
Тайной детской радостью светясь.

То глядит, как свечи зажигают,
Как со стен стекает темнота...
То стоит подолгу со слезами
У распятия Господа Христа.

И всегда, сколь помню я, он – всюду.
И всегда как будто что-то ждет...
Ходит мальчик. Мальчик ищет чудо.
И, надеюсь, он его найдет.

РЕКА

В ущелье пенится река,
Дрожит от напряженья.
Доносится издалека
Тяжелых волн кипенье.

Стремительна и глубока,
Огромная, живая,
Она проходит сквозь века,
Теснины раздвигая.

Какую мощь несет река!
Таит какие силы!
Как я хочу, чтоб ты была
Такой, моя Россия!

* * *

Снежные метели отзвенели,
Отскрипел морозом шар земной.
Снова небеса заголубели,
И нависли детством надо мной.

Снова вижу: после долгой спячки
Почками вскипают тополя.
И дымится от лучей горячих
Влагой напоенная земля.

День, другой... – и гром разбудит поле,
И пройдет широкою волной.
Воздух вздрогнет. По всему предгорью
Зазвучит натянутой струной.

Даль качнется. И с крутых отрогов
Вниз спадут последние ручьи.
В новый мир откроются дороги –
Удивляйся! Радуйся! Живи!

* * *

Вот и вновь я на родину еду
Сбросить цепи душевных оков
И послушать живую беседу
Безутешных моих стариков.

На крылечке усядемся рядом,
Не заметив, как вспыхнут огни...
Ничего мне в ту пору не надо.
Ничего – только б жили они!

ФОТОГРАФИЯ

В лесу, что минами изранен,
Авиабомбами изрыт,
Он с фотографии на память
С задумчивостью вдаль глядит.

На нем шинель и портупья,
Груз позолоченных погон...
Снимался он на батарее,
А через сутки был сражен.

Бойцы комбата похоронят,
И батальон уйдет вперед...
Лишь через год в село родное
Та фотография придет.

Ее получит тетя Настя,
Которой с фронта он писал...
Видать, не зря гонцом несчастья
Над домом ворон зависал.

И упадет из рук работа,
И потускнеют образа.
И на единственное фото
Падет горячая слеза.

КАТУНЬ ГРУСТИТ...

Который год сады бушуют в Сростках,
Который год девчат пьянит весна.
И лишь одна, с зеленою прической,
Грустит Катунь – подруга Шукшина.

На перекатах, где поют закаты,
Катунь-река зазывно горяча.
Здесь он любил наедине когда-то
Послушать шум, подумать, помолчать...

И вдаль глядеть, переполняясь синью,
И видеть «атаманово плечо»...
Пред ним вставала вся его Россия
С московским говорком, с сибирским «Че!?!»

И шум реки, и трубный голос неба,
Что резал над горами тишину...
Все в нем жило. Все сердцем он изведал.
Теперь Катунь грустит по Шукшину.

СНЕГИРИ

Еще деревья крепко спят
В сугробах мартовских ночами.
Но даль, продутую ветрами,
Все меньше звезды леденят.
И по утрам в лучах зари
Заметней стало, между прочим,
Как оживленнее хлопочут,
Сбиваясь в стайки, снегири.
Избранникам седых широт,
Им суждено лететь на север,
Где ветер жгучей и острее,
Где чаще вьюжит и метет.
А мне, так ждущему тепла,
Гнезда родного не покинуть
И горизонта не раздвинуть
Горячим мускулом крыла.

* * *

Время быстро идет.
Осыпаются дни
Нашей жизни – легко, незаметно.
Словно листья с рябин
Опадают они
И теряются где-то бесследно
Среди скучных полей,
Одиноких холмов,
Среди этой бескрайней равнины,
Под извечным течением –
Вдаль – облаков,
На висках оставляя седины.
Мы не знаем, как скоро

Закончатся дни,
На какой оборвутся дороге...
Но сегодня, сейчас,
Мы подумать должны
О себе, о судьбе и о Боге.

* * *

Никогда я не был на войне.
Не видал окопной злобной драки,
В штыковые не ходил атаки,
Но война всегда живет во мне:
Скорбным взглядом, тяжелой неудачей,
Строгой недописанной строкой...
Женским криком, горьким детским плачем
Или друга прерванной судьбой.
Не был. Не был...
Не в меня огнем вонзался
Меткой пули жалящий свинец...
Только с детством рано я расстался –
Не пришел с войны и мой отец.
Без отцов мы много голодали,
И чтоб как-то голод пережить,
Летом кислым щавелем питались,
Осенью – зерном колючей ржи.
А весной картошку в огородах
Я искал, едва сойдут снега.
Из нее, гнилой, на сковородке
Мама мне ландорики пекла.
... Детство-детство –
Дни без расписания,
Тонкий луч на выжженной стерне...
До тех пор, пока во мне дыханье,
А вокруг и слезы, и страдания, –
Эта память будет жить во мне.

ПЕЙЗАЖ

Утро.
Знакомый пейзаж:
Домик, Песчаная речка,
Тополь, пронзающий вечность, –
Мест этих сказочных страж.
В воздухе август разлит.
В легком дыханье печали
Хлеба созревшего клин
Золотом жатву встречает.
Прямо, за речкой – стога,
Сразу за ними – на взгорке,

В выцветших неба осколках,
Церкви видны купола.
Гляну в окрестную даль,
В край, где теряется поле, –
И широта, и печаль –
Манят покоем и волей...
Утром росистым свежо.
Тропкой сбежишь к шумной речке.
Так на душе хорошо! –
Жить бы и жить этим – вечно!

* * *

У рябины красной – привкус горечи,
Исхлестал рябину листвою...
Обнимая нежно у обочины,
Говорила:
– Навсегда с тобой!
Но пришла зима на смену осени,
Гасит снег рябину, как свечу...
Повстречались снова у обочины –
Ты молчишь. И я стою, молчу...

* * *

Далеко, у самой горной сини,
У подножья каменистых врат,
Одиноко под пластом могильным
Мои предки в тишине лежат.

Дал Господь крестьянскую им долю –
До конца узнали вкус земли,
Пропитав себя исподней солью...
И в могилу солью той легли.

День и ночь под вечным небосклоном,
Подперев собою горизонт,
Золотые, в легкой дымке, горы,
Охраняют их покой и сон.

Эти горы, словно предков лица,
Издали всегда меня зовут:
Посмотреть, как гордо реют птицы
Над землею, где они живут.

Эхо гор и тишину послушать,
У могил забытых постоять.
И, слезой очистив свою душу,
В этой жизни многое понять.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ОСЕНИ

Пока еще роса на ветках,
Еще пастуший слышен свист,
Пока листву не гонит ветром,
И горизонт еще плечист.

Еще лугам трава не снится,
Реке – воды холодный звон...
Но желтобрюхая синица
Уже садится на балкон.

И часто-часто клювом долбит
Щепотку зерен на окне...
И тишины прозрачной волны,
И чей-то голос, грусти полный,
Уже качаются во мне.

И я сквозь преломленье света
К открытому окну иду.
И вижу, как выводит лето
Из стойла осень в поводу...

